

КОНТРАЗВЕДКА. РОМАНЫ О СЕКРЕТНОЙ ВОЙНЕ СССР

Валерий ШАРАПОВ

**ПЛЕННИК
СВОЕЙ ИГРЫ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Пленник своей игры / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Контрразведка. Романы о секретной войне СССР).

ISBN 978-5-04-234703-0

Российской контрразведке становится известно, что в одном из отдаленных районов страны действует подозрительная организация «Аква Матер». Официально ее члены занимаются коллективным оздоровлением и приобщением к культу природы. Однако полковник ФСБ Андрей Левашов уверен: гуру, возглавляющий общину, причастен к «черному трафику» человеческих органов. Не случайно многие адепты бесследно исчезают вскоре после вступления в организацию. Чтобы проверить эту версию, Левашов решает внедрить в «Аква Матер» агента-психолога Сергея Сомова. Сергей готов выполнить необычное задание, но он еще не представляет, с какой чудовищной силой ему предстоит столкнуться в далекой глуши...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-234703-0

© Шарапов В., 2025
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2026

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Самолет замер на рулежке. Замер не по своей воле. Как будто чья-то злая рука схватила в последний момент огромную стальную птицу за хвост и прижала к земле. Казалось, что и без того грустная дельфинья морда «Боинга-737» выражает сейчас необычайное сожаление: «Я не виноват, взлететь не могу; те, кому положено мной управлять, отстранены и заблокированы в туалете для пилотов. Выручайте, но только скорее, я хоть и железный, но тоже живой: внутри меня нарастает неукротимая страшная боль, готовая разорвать внутренности и выплеснуться наружу смрадным черным дымом или красными кровяными подтеками».

Внешняя основательность авиалайнера, радовавшая когда-то его конструкторов и подкупавшая пассажиров, сейчас контрастировала с тем, что происходило в его чреве. Сто с лишним человек наэлектризовывали своими запуганными воплями пространство салона. Не было закоулка, куда бы не проникло чувство высшей тревоги — тревоги за свою жизнь. В этот момент каждый из них по-

нимал, что в случае катастрофы никому не удастся спрятаться за чужую спину, никому не удастся отсидеться, отлежаться, притвориться спящим; каждый ступит на этот последний порог в одиночку, со своим ужасом и погубленным ожиданием.

...Я в очередной раз дослушал шаблонное сообщение оператора сотовой связи и нажал отбой. Здесь, на командно-диспетчерском пункте аэропорта, было тревожно и сосредоточенно-невесело. Кроме штатных диспетчеров, обслуживающих полеты, в стеклянной голове сооружения собрались все те, кому положено разруливать подобные ситуации. Из знакомых — мой давний друг майор Володя Коновалов и... пожалуй, все. Остальных я видел впервые.

Руководил операцией полковник ФСБ Левашов, немолодой, но еще крепкий человек с аккуратными залысинами и строгим волевым лицом. Сейчас он сосредоточенно смотрел в экран монитора, словно прожигал пространство и дюраль фюзеляжа в надежде различить среди испуганных пассажиров тех самых негодяев, которые стали причиной ЧП.

— Молчат? — Голос полковника полностью соответствовал его внешности — такой же строгий и граненый, как обелиск.

— Молчат, — односложно ответил я и добавил: — Порядки свои наводят.

— Уже навели. Сколько человек прошли регистрацию?

Диспетчер щелкнул мышью:

— Сто двадцать пять. Мы проверили: никого, кто бы проходил по ориентировкам...

— Ни по паспорту, ни по лицу, — попытался пошутить Коновалов, но, похоже, не к месту.

— Это ничего не значит. — Левашов поморщился, выказывая недовольство: выводы здесь делаю я, ваше дело подчиняться.

Я единственный, кто заметил его реакцию. Нервничает, не уверен, надо бы помочь успокоиться. Хотя нет, не надо показывать полковнику свои наблюдения, не надо лезть в область личных переживаний, он сейчас главный, пусть руководит.

Я отвернулся к окну. Блестящая, словно надраенная тушка самолета стояла на прежнем месте, там, где ее застигло несчастье. Мне показалось, что самолет даже немного присел, опустился на колени, готовый то ли сдаться и окончательно лечь на землю, то ли неожиданно воспрять и ринуться в небо.

Ранние сумерки оттеняли пространство за огромными окнами КДП. Словно на невидимом порубежье встретились в этот час извечные противники: добро и зло. Там, на рулежке, страшное и непредсказуемое, крепко пришпиленное к земле иглами прожекторов, затаилось зло. Здесь же, в освещенном помещении диспетчерского пункта, в свете теплых ламп царило добро, здесь собирались с силами былинные богатыри, принявшие вызов темных законных сил — полковник Левашов, опер Коновалов, офицеры, диспетчера... И еще один — немного неуместный в этой компании — Сергей Иванович Сомов. Вот он смотрит на меня отражением в туманном стекле: крепкая загорелая шея, строгие, почти правильные черты лица, светлые, немного вол-

нистые волосы и голубые глаза. Впрочем, то, что они голубые, в отражении не видно, но я знаю это точно. Знаю, потому что Сергей Сомов — это я, врач-психиатр, без малого сорока лет от роду. Готовлюсь в любой момент вступить в поединок с террористами, захватившими лайнер. А пока исполняю среди «богатырей» роль Алеши Поповича — снимаю психологическое напряжение, пытаюсь что-то советовать — работаю, словом.

Я невольно усмехнулся: «Ну и фантазии! Прямо поэтические».

Из пелены размышлений и табачного дыма меня вырвал все тот же командный голос:

— Сомов, ну что же вы? Продолжайте дозваниваться, время на их стороне. Долбите, когда-нибудь отзовутся. Действуйте!

Я в очередной раз нажал значок вызова. С этого номера час назад на личную трубку одного из диспетчеров пришла эсэмэска: «Самолет захвачен. Не делайте глупостей. Экипаж блокирован. Готовьте два ляма евро и коридор до Стокгольма. На все два часа, потом — бойня».

Номер тут же проверили. Корпоративная симка обанкротившейся год назад торговой фирмы «Супермастер и Ко». Кому конкретно из сотрудников принадлежала, выяснить не удалось.

...Настойчивый стук в дверь разбудил меня в пять часов утра. «Ну кто там в такое время? Воскресенье же!» Не было в тот миг человека более рассерженного, чем я. Сидя на кровати, я пытался прийти

в чувство. Конечно же, я умею быстро приводить себя в полноценное рабочее состояние, есть у меня один верный способ — контрастный душ. В принципе, процедура известная, но только пользуются ей не всегда правильно. Обычно горячую и холодную воду пускают попеременно. Я же, стоя под душем, делаю так, чтобы холодная шла постоянно, а горячая лишь изредка дополняла ее. Но — только дополняла, не меняя холодного тонуса. Эффект практически моментальный.

Но это — если нужно быстро ожить. Сейчас же, пребывая в тягучей полудреме, я не спешил в ванную, больше всего меня интересовало, кто же все-таки там, за дверью. Стук не смокал. Дверной звонок я давно снял, он почему-то раздражал меня, наверное, из-за того, что напоминал мою прежнюю, семейную жизнь.

Прошло не больше минуты, когда к стуку неожиданно и очень резко добавился телефонный звонок. Коновалов! Володя жил в соседнем подъезде, мы дружили со школы, часто ходили друг к другу в гости, иногда засиживались допоздна. Но чтоб в такое время... Что-то случилось...

— Алло, — хриплым со сна голосом буркнул я.

— Открывай быстрее.

В том, что произошло что-то неординарное, я убедился, как только увидел оживленное и немного испуганное лицо майора. Коновалов начал прямо с порога:

— Собирайся, едем в Шереметьево! Террористы захватили самолет. Через стюардессу выманили обо-

их членов экипажа из кабины, где-то заблокировали, летчики перестали выходить на связь. Угонщики затребовали контакты с кем-нибудь из диспетчеров. Теперь выходят на связь по мобильнику.

«Ничего себе утро!»

— Что они хотят?

— Как всегда: деньги, два миллиона евро, и коридор до Стокгольма.

— А почему до Стокгольма?

Коновалов пожал плечами. Я потихоньку приходил в себя:

— А чем, собственно, я могу?..

— Как — чем? Ты же профессионал по работе с разным неадекватом. Нужен переговорщик, надо убедить этих отморозков отпустить людей, там больше сотни пассажиров! А дальше — дело техники. Нас всех подняли по тревоге. Аэропорт оцеплен, спецназ на низком старте. Сам Левашов, главный фээсбэшник, распорядился насчет тебя. Я посоветовал. Так что выручай. Меня за тобой и послали. Решили, что не откажешь.

Я посмотрел на майора с чувством неоплатного долга.

— А штатный переговорщик? Я слышал, есть такие...

— Нету, вчера убыл куда-то в командировку, как назло, именно сейчас. Давай собирайся, поехали. Бандиты дали два часа.

— Давно?

— Что давно?

— Дали давно? Сколько осталось?

— Точно не скажу... Но в любом случае — цейтнот.

— Зачем было приезжать? — Недовольство неожиданным визитом все еще не покидало меня. — Нельзя по телефону, вдруг я не один?

— Ну ты даешь, — хмыкнул майор. — Что я скажу: Сергей, бери такси, приезжай, у нас ЧП? А вдруг не дозвонюсь? А насчет любовницы... — он на всякий случай заглянул через мое плечо, — я тебя знаю: ты не из этих. После Людмилы...

— Ну ладно, хватит. Сколько террористов, удалось установить?

— Я уезжал — не было известно. Бригада на месте работает. Доклад — лично замминистра.

Я прошел на кухню, взял чайник.

— Есть будешь?

— Да какое есть?! Некогда!

Да, это я сглупил. Сплю еще. Цейтнот! обойдемся водой. Кстати, стакан теплой воды натошак сразу же после пробуждения — очень полезная вещь. Японцы, например, поголовно следуют этой привычке, потому, наверное, и живут так долго. Вот перейду на воду и проживу сто лет!

Наскоро умылся, оделся. Захлопал кухонными шкафами в поисках сигарет. Вот еще привычка. Хм, я тоже заложник. Все собираюсь бросить и — никак.

Значит, сто лет не получится...

Оглянулся в прихожую: Володя делал вид, что разглядывает настенный календарь...

В кабинке лифта я немного замешкался. Коновалов быстро вдавил цифру «один», лифт со скрипом поехал вниз.

Со мной такое бывает: делаю одно, а мысли работают в совершенно другом направлении. Нет, если нужно сосредоточиться, я действую безукоризненно. Но сейчас, заходя в кабинку лифта, я мысленно был уже там, на аэродроме, в гуще событий; я уже придумывал, как влезть в душу этим негодьям, какой метод выбрать.

Майор продолжал информировать:

— На видео из терминала ничего подозрительного, все чисто. Личный досмотр тоже — без эксцессов. Может, блефуют, а может, и нет — черт их знает...

Мы сели в машину, немного попетляли по пустым улицам и выскочили на Ленинградку. Погнались, нарушая правила. После знаменитых «Ежей» свернули направо. Я окончательно проснулся, начал мыслить ясно и логично:

— Деньги наличными?

— Нет, конечно. На счет.

— Самолет?

— «Боинг-737», компания «Аэрофлот — российские авиалинии», рейс до Санкт-Петербурга.

— Потребуется быстрый доступ в интернет и компьютерщик экстра-класса.

— Уже на месте. Зовут Влад. Самый продвинутый, к тому же хороший знакомый Левашова. — Коновалов усмехнулся, на секунду отвлекся от дороги. — Мы этого Влада недавно в разработку брали: он было непотребные сайты стал штамповать. Ну мы его и прихватили. Дошло до ФСБ, там его Левашов и обработал. Теперь они лучшие друзья...

В предутренних сумерках широкая лента темно-серого шоссе напоминала стремительно мелькающую кинолентку.

Гудки, гудки...

И вдруг — как гром среди ясного неба:

— На связи!

Все, кто был на КДП, моментально поняли по моей реакции, что я дождался-таки ответа, дернулись и замерли в едином порыве. Обратились в слух, замахали друг на друга руками, призывая к тишине. Левашов щелкнул в направлении меня пальцами, указывая на трубку. Я понял, он просит дать громкую связь. Судорожно нашел нужный значок на дисплее телефона, ткнул в него пальцем. Тишина стала невыносимой. Секунды ринулись как спринтеры со старта. Полковник сверлил меня победитовым взглядом, ожидая чуда. Я почувствовал, как покрываюсь испариной. Как ни ожидал я услышать голос террориста, случилось это в прямом смысле внезапно.

— Алло, КДП на связи, — проговорил я первое, что пришло в голову, только чтобы не дать сорваться абоненту.

— Борт смертников хочет уточнить: выполнены ли наши условия. Время истекает.

Он еще шутит: «борт смертников».

— Процесс идет, — уже более уверенно ответил я, стараясь зацепиться за ироничный тон, заданный бандитом.

— Ваш «процесс» давно живет в Германии и в ус не дует. Деньги готовы?

В голосе напряжение. Значит, человек контролирует каждый свой шаг, выверяет ответы, подбирает слова — признак самодисциплины и замкнутости.

— Первый миллион переведен на указанный счет. Можете проверить.

— С кем я говорю? — Голос в трубке насторожился. — Где прошлый собеседник?

— Говорит штатный психиатр. Фамилия моя Сомов. Прошлый собеседник здесь, рядом. Ждет от вас адекватной реакции. Как к вам обращаться?

— Мясник.

Связь прервалась.

«Ничего себе заявка — Мясник, ни много ни мало!»

— Проверяет деньги, — прокомментировал кто-то из оперативников.

Левашов обернулся к Владу:

— На чье имя открыт счет?

— Агафонова Инна Петровна, 1955 года рождения.

— У нас на нее есть что-нибудь? — Взгляд на одного из подчиненных.

— Москвичка, работала лаборантом на кафедре МАИ, вдова (муж, капитан ВВС, погиб при испытании самолета), недавно потеряла дочь, живет одна, пенсионерка.

Полковник насупил, посмотрел на Владу:

— Пробей пассажиров на предмет «мяса»: работают в сфере питания, в продовольственных магазинах, имеют свое подсобное животноводческое хо-

зьяйство, живут на улице с «мясным» названием типа Коровинского шоссе, созвучные фамилии...

— И похожие ники в соцсетях, — вставил я и поймал на себе суровый взгляд Левашова: не суйся, пока я не закончил. — Извините, товарищ полковник, но это важно.

Фээсбэшник многозначно промолчал. Влад застучал по клавиатуре.

— Нет, ничего похожего, — сообщил он через несколько минут. — Ни с адресами, ни с фамилиями. Есть Лопаткина, женщина. С никами разобратся — потребуется время. — Влад вопросительно посмотрел на полковника, дескать, если скажете, сделаю. Тот демонстративно отвернулся.

И тут меня осенило:

— Подожди-ка с никами. Дайте мне распечатку.

Я буквально выхватил листок из рук диспетчера и впился в него взглядом.

— Есть! Вот, смотрите: Мягков Сергей Николаевич! Сократим — МяСНик! А? Срочно — данные на этого Мягкова! Желательно из базы МВД!

Влад округлил глаза и, высунув от усердия кончик языка, еще проворнее застучал по клавишам. Принтер выдавил из себя листы бумаги одновременно с входящим звонком. Опять все замерли.

— Да, — откликнулся я, уже чуя за собой некоторый перевес в инициативе.

— Сомов, вы человек интеллигентный, а ведете себя как мальчишка.

— Деньги не пришли? — забеспокоился я, обводя собравшихся вопросительным взглядом.

— Пришли.

— А что тогда?

— Если мы будем сотрудничать в таком темпе, кое-кто из заложников не доживет до рассвета. Готовите штурм? Очень напрасно. Я вооружен. Жертвы гарантированы. Одна как минимум.

— Деньги будут, Сергей Николаевич, не беспокойтесь.

Трубка замерла. Я понял, что отправил соперника в короткий нокдаун. Несколько секунд он молчал, видимо переваривая услышанное имя. За это время я успел изучить оперативную информацию, переданную мне компьютерщиком. Заметив, как посуровел мой взгляд, Левашов отобрал у меня листы и принялся читать.

— Что ж, похвально, — захватчик явно занервничал, — да это и нетрудно. Так, ребус для младших классов.

— В салоне сто с лишним человек. Выпустите хотя бы детей и женщин. Во-первых, проявите гуманизм, во-вторых, облегчите себе работу. Контролировать такое количество людей — дело нелегкое.

— А я не один. Кто-то держит пилотов на мушке, другие за салоном присматривают...

Ситуация прояснялась. Теперь я был точно уверен: сообщников у него нет! Ни один террорист, имеющий сообщников, не будет объяснять спецслужбам, кто чем занят и где находится. Да и не профессиональный он угонщик, а заложник обстоятельств. В эту минуту я уже знал, как буду действовать дальше. Наиболее эффективной в данном слу-

чае может стать только методика убеждения. Нельзя провоцировать преступника, в руках которого оружие и жизни десятков людей. Только слово, речь. Надо убедить этого человека изменить свое отношение к обстоятельствам, сместить фокус внимания с больной точки, то есть с предполагаемой жертвы. Потребуется найти способ прямого контакта, лучше визуального, даже если мне придется подняться на борт самолета. Хотя... этого он, конечно, не допустит.

— А слабо — выйти на взлетку и продолжить один на один? — Мясник словно прочитал мои мысли. Я внутренне оживился.

— Можно. Только и вы, Сергей Николаевич, в этом случае покиньте борт.

— Чтобы меня тут же схватили? Нет, выходи один. И не вздумай мудрить, психиатр. Взрывать буду потом, а пока буду резать. Даже знаю, с кого начну.

— Ты о Лере Петренко? — Второй нокдаун.

— Черт! Да, о ней. Учтите, я своего добьюсь.

— Своего? Наказания за убийство?

— Мести за убийство. Не выйдешь, ей конец!

— Я иду.

К тому времени все члены оперативного штаба уже ознакомились с данными на угонщика. Первоначальная рассеянность сменилась уверенностью. Что ж, все верно: вслепую играть, а тем более сражаться очень сложно. Теперь же образ преступника проступал более-менее ясно, как раннее солнце в утреннем мареве, стоящем над аэропортом.

Я шел по асфальту рулежки, держа в руке телефон и внимательно оглядываясь вокруг. Даже имея информацию о силах, задействованных в этой операции, я так и не смог разглядеть ни одного бойца оцепления, ни единого признака готовящейся атаки. Работали профессионалы.

Огромная крылатая конструкция надвигалась на меня, словно айсберг на беззащитное суденышко. На самом деле это я шел ей навстречу. Еще немного, и я окажусь под тяжелым крылом и, что еще страшнее, — под пристальным взглядом террориста или у него на мушке. Есть ли у него оружие? Он сказал: «Буду резать», значит, нож как минимум. Как пронес? В каком он будет иллюминаторе? Откуда будет следить за мной? А будет ли? Может, это всего лишь тактическая уловка. Чтобы выиграть время... Этот Мягков — боевик-одиночка, несчастный, по сути, человек, обреченный на неминуемое поражение. Что я про него знаю: в прошлом — рядовой инженер, потом — менеджер по продажам, вдовец. Что его ждет — суд, срок... Настоящий заложник сейчас он, а не те, кто собрался лететь этим рейсом.

Какая бы причина ни побуждала его к действию, он преступник, насильно удерживающий десятки людей, доставляющий им неудобства, наводящий страх. От одной только мысли: «Я заложник» — человек может впасть в панику, натворить бед, навредить себе и окружающим. Наверняка в салоне сейчас творится что-то подобное. А Мягков один на один, с одной стороны — с силовиками, с другой —

с обезумевшими пассажирами, с третьей — со своей злобой и чувством беспомощности. Да, именно беспомощности, ибо понимает, что ситуация выходит из-под контроля.

К тому же я уже знал его историю.

— Алло, Мясник, — я остановился у правого борта, недалеко от блестящей стальной консоли крыла. Из салона я должен быть виден очень хорошо.

— Да. — Я уловил в его голосе нотку усталости. — Я тебя вижу.

— Отпусти пассажиров.

— Деньги!

— Зачем они тебе в таком количестве? Что ты с ними будешь делать?

— Найдется применение, не сомневайся.

Пауза. Я поспешил сменить тактику:

— Почему ты выбрал именно ее? Ты предпочитаешь блондинок?

— Черт возьми, откуда тебе это известно?!

— Во-первых, я психиатр, я умею читать чужие судьбы. Во-вторых, у меня тоже была личная катастрофа. Я тоже... потерял жену.

— Врешь! — резко отозвался он.

Но я продолжал:

— Это случилось несколько лет назад. К операционному столу встал дилетант. Она умерла под его ножом... — В трубке натужное сопение — слушает, значит, молчать нельзя. Давай, доктор, как бы тяжело это ни было. Ради других. Скрепя свое ноющее сердце. — Через несколько месяцев он поступил

в нашу клинику с тяжелой формой абстинентного синдрома. Случай исключительный. Я сразу узнал его... У меня была возможность отомстить, он весь был в моей власти. Я мог его залечить. Но я не сделал этого. А искушение было, ох, какое искушение!

— А эта откупилась. — Вот он — проблеск доверия! Мясник превращается в собеседника, это уже успех! — Суд признал Петренко невиновной. Обвинили мою жену. Будто это она переходила дорогу на красный свет. А она шла на зеленый! Есть свидетели. Но эти буржуи заплатили им, и все промолчали. Труссы! Оленьке было всего двадцать пять, она очень хотела детей. — Голос его окончательно потух, слезы душили, не давали говорить. И вдруг он воспрял, словно вынырнул из воды и обрадовался свежему воздуху: — Я долго их караулил. Но там охрана, заборы... А здесь вот она, одна, тепленькая, еще живая! — Яростный женский вопль. — Я убью ее, что бы мне за это ни было. Папаша в Америке, спасти никто не придет. Только вы... уйдите, не мешайте вершить правосудие! — Он снова был на коне. Мне не было видно, но я представлял, каким огнем вспыхнули сейчас его глаза, как съежились от страха заложники. — А ты все врешь, от начала до конца, это твоя уловка, психиатр. Ты не можешь знать, как мне больно...

Трубка снова захлюпала. Истерика.

— Ты выбрал жертву. Зачем тебе остальные? Отпусти их.

Я пытался представить себя на его месте и понимал, что, возможно, рассуждал бы точно так же.